

КЕЙТ МУР

Любовь и долг

ШАРМ

Кейт Мур

Любовь и долг

«АСТ»

2013

Мур К.

Любовь и долг / К. Мур — «АСТ», 2013

ISBN 978-5-17-079419-5

Аристократ и джентльмен Лайл Мессинг, лорд Блэкстон, на грани разорения. Тайная служба короны предлагает вернуть ему заложенное поместье в обмен на выполнение опасного задания. Однако при этом ему придется играть роль жениха красивой и решительной Вайолет Хаммерсли – девушки, которая несколько лет назад беспощадно разорвала помолвку, заподозрив его в измене. Блэкстон и Вайолет по-прежнему полны взаимных обид, горечи и недоверия. Однако рискованная игра с каждым днем сближает их все больше, а близость с новой силой раздувает искры страсти, казалось бы, давно угасшей...

ISBN 978-5-17-079419-5

© Мур К., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

Любовь и долг	6
Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Кейт Мур

Любовь и долг

© Kate Moore, 2013

© Перевод. А.О. Сизов, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Посвящается Лорен, Кевину и Эллисон, как обычно.

Любовь и долг

*Подвернись им эта выгодная перспектива сегодня, а не год назад,
все бы... пришло к тому же печальному финалу.
Джейн Остен, «Гордость и предубеждение»*

Пролог

Ла-Мани Февраль, 1825 год

Лайл Мессинг, барон Блэкстон, проигрывал в карты, и единственным оправданием была качка в кают-компании корабля, на котором он плыл. Военное судно его величества «Редемшен» с весьма посредственными мореходными качествами должно было доставить домой барона Блэкстона и выживших в неудачной греческой кампании пленных.

Лайл изо всех сил пытался сосредоточиться на картах и не думать о доме. В настоящее время его у Блэкстона вообще не было. Семейный замок, который барон унаследовал от отца, был продан им с молотка, чтобы заплатить выкуп за свою голову греческому полководцу Василиади. Его вдовствующая мать и сестры переехали в особняк в городе Бат. Матушка не жаловалась, но сестра Елена в своем письме, упоминая о переезде, дважды подчеркнула фразу «тридцать футов» – такое расстояние было между их комнатами в новом доме. Когда он думал о стесненных обстоятельствах, в которых приходилось жить его матери после просторного замка, он терял хладнокровие, шел на риск, и гора закладных на карточном столе неумолимо росла.

Пробиваясь сквозь волны к Дувру, «Редемшен» скрипел и вздрагивал, отчего фонарь в прокуренной кают-компании покачивался под низким потолком. Карта не шла, и Блэкстон посмотрел на здорового рыжеволосого и рыжебородого игрока напротив, Сэмюэла Голдсуэрди. Он был одет в зеленую шелковую сорочку, которая блестела в неровном свете. Сэмюэл усмехнулся. Похоже, он не умел ни умыться, ни проигрывать. Именно Голдсуэрди невинно предложил перекинуться в картишки. Несколько часов спустя после бесконечной изнурительной игры, не вынеся качки, два других игрока из числа пассажиров покинули каюту. За столом остались только Блэкстон и Голдсуэрди.

Такой исход порадовал здоровяка.

– Юноша, карты, что у вас в руках, – от них проку нет. Давайте закончим все по-быстрому.

Блэкстону почудилось, будто Сэмюэл видит его карты насквозь. Он постарался отшутиться.

– Предлагаете жениться на вашей дочке? – Если бы у Голдсуэрди была дочь, Блэкстон и впрямь взял бы ее в жены, ведь у него не было иных способов вернуть поместье.

Голдсуэрди расхохотался так громко, что от его смеха зазвенело в ушах. Блэкстон предложил женитьбу в шутку, но в памяти вдруг всплыли смеющиеся черные глаза и мягкие пышные груди. Он тряхнул головой, отгоняя воспоминания. Не было сомнения, что Вайолет Хаммерсли вышла замуж, пока Блэкстон находился в руках бандитов, поэтому Лайл давно уже не мечтал взять ее в жены.

– Это было бы слишком просто, сынок. Я предлагаю другое – поработать на меня год и один день.

«Год и один день» – звучало словно из сказки. Именно столько, год и один день, Блэкстон находился в плену. За это время умер Байрон, а борцы за свободу Греции, которые сражались против турок, пали в неравной битве.

Он снова посмотрел на Голдсуэрди. Тот казался безобидным человеком, несмотря на свой огромный рост и крепкое сложение. Он был выше Блэкстона дюйма на четыре¹, а то и больше, и шире любой койки на судне. На вид Лайл дал бы ему лет сорок-пятьдесят. В темно-коричневых штанах, зеленой сорочке и камзоле из грубой шерсти он был как необъятный дуб. И тем не менее мало походил на заколдованного героя из волшебных сказок. Вероятно, он был обычным лондонским торговцем и держал на Темзе склад, где на полках лежали рулоны с тканями или мешки с кофе. Но год плена научил Блэкстона не доверять внешности. Его не покидало чувство, что Голдсуэрди не тот, кем кажется. Появление этого человека на борту «Редемшен» в бухте Корони² в самый ответственный момент переговоров Блэкстона с бандитами – в момент передачи денег – было более чем неожиданным. Будто произошло чудо. Тогда Блэкстону казалось, что у Василады нет причин освобождать заложников. Потому он и продал поместье, чтобы купить свободу себе, младшему сводному брату и нескольким юношам и девушкам, с которыми солдаты полководца обращались как с рабами.

Сейчас судьба Блэкстона висела на волоске. Он снова попытался разгадать истинные намерения Голдсуэрди.

- Надо полагать, мне придется чистить выгребные ямы или выбивать долги?
- О нет, юноша, можете быть уверены, я найду вам работу по способностям.
- Мы встречались раньше в Лондоне?
- С чего вы взяли?
- Тогда зачем предлагаете мне работу? По нашей игре моих способностей не разглядеть.
- Вы умеете очаровывать людей – это я вижу...

Блэкстон бросил на Голдсуэрди скептический взгляд.

- Что-то не похоже, чтобы на вас это действовало.

– И тем не менее в своем кругу, среди знати, вы достаточно известны. Вы прекрасно танцуете на балах. Ходят слухи, что вы еще и отличный наездник.

– Так значит, вы обо мне наслышаны. Тогда тем более непонятно, зачем я вам нужен. Никто не станет брать меня на работу, зная мою дурную репутацию.

– Никто, кроме меня. Когда вас всюду станут приглашать, я хочу, чтобы вы принимали все до единого приглашения. Видимо, дело все же в дочери. И она, судя по всему, настолько дурна собой, что нуждается в таком типе, как Блэкстон, чтобы он таскал ее по балам и званым ужинам.

- То есть вы хотите, чтобы я радовал высший свет своим присутствием как можно чаще?
- Тогда я выкуплю все ваши долги, включая поместье с фамильным замком.

В заточении Блэкстон научился не выдавать своего беспокойства, но сейчас его бросило в жар. Кипа закладных, подписанных им и его неудачливыми спутниками, по-прежнему лежала на столе перед Голдсуэрди. Блэкстон перевел взгляд с бумаг на карты, которые не предвещали крупного выигрыша. Удача отворачивалась от него всю ночь, а теперь этот незнакомец, который практически спас его, предлагал выгодную сделку.

– Прошу прощения? – Блэкстон тяжело смотрел на мужчину, который, похоже, знал о его делах больше любого другого, не считая семейного юриста.

- Приходите в мой клуб, и я вам все объясню.

– В ваш клуб? – Блэкстона словно дубинкой огрели. Голдсуэрди казался ему англичанином до мозга костей, но никак не джентльменом.

– Клуб «Пантеон» на Албемарл-стрит. В порту корабль встречает почтовый дилижанс. Он отвезет нас прямиком в клуб.

¹ 1 дюйм – 2,54 см.

² Город на берегу залива Месиниакос, Южная Греция.

Мысли о Лондоне и возможность вернуть свое состояние заставили Лайла на мгновение забыть о городе Бат, сестре и матушке. Голдсуэрди определенно умел уговаривать, но Блэкстон должен был выяснить, что стоит за столь щедрым жестом, и задал вопрос:

– Кто вы?

Голдсуэрди нахмурился.

– Неужели вы успели позабыть?

– Я не спрашиваю о вашем имени. Кто вы на самом деле? И что это за мистическая работа, которую вы мне предлагаете?

– Хорошо, что вы спросили. Я призываю вас служить королю и отечеству, – произнес пафосные слова, Голдсуэрди никак не изменился в лице. На нем по-прежнему сохранялось насмешливое выражение. – Речь идет о шпионаже.

– Шпионаж? И за кем я буду шпионить в высшем свете?

Голдсуэрди помрачнел. Он покачал огромной головой с львиной шевелюрой.

– Мы живем в жестоком мире, сынок. Враги Англии выдают себя за друзей и разгуливают среди нас повсеместно. А секреты имеют обыкновение просачиваться наружу. И наша задача сделать так, чтобы они не ушли далеко.

Глядя на Голдсуэрди, Блэкстон моргнул так, как будто от дыма в каюте щипало глаза. Его просили шпионить на благо Англии! Планы на будущее изменились, едва только корабль перевалил очередную волну. Блэкстон мог вернуться к матери и сестрам ни с чем, склонив в покаянии голову, или же мог рискнуть и восстановить свое состояние и доброе имя.

«Редемшен» застыл на очередном гребне. Затем океан разверзся, и он упал вниз. Голдсуэрди спокойно обхватил одной рукой лавку, привинченную к полу, а второй – кувшин с пивом. Блэкстон держался за фонарь, а остальные ударились головами о низкий потолок. Когда судно падало на воду, в памяти Блэкстона снова промелькнул насмешливый взгляд черных глаз и, вопреки здравому смыслу, ему захотелось увидеть эти глаза снова.

Наконец корабль ударился о волну, чудом не развалившись на части.

– Я согласен.

– Вот и отлично. Год и один день, а потом вы будете свободны.

Глава 1

Все говорили, что он был самым безнравственным молодым человеком на свете, и частенько добавляли, что никогда не доверяли его внешней доброте.

Джейн Остен, «Гордость и предубеждение»

Лондон

Три недели спустя

Блэкстон открыл один глаз и покосился на потолок, бледный, как свадебный торт, и далекий, как луна. Койка под ним не качалась и не тряслась от ударов волн. Он вспомнил. Клуб Голдсуэрди. Албемарл-стрит. Лондон.

Он был не в пещере. Он не видел уже несколько недель, как летят головы с плеч. И как молодых рабынь отдают воинам словно награду. Порой, проснувшись, он несколько мгновений не мог понять, где находится, и кошмары плена не сразу покидали его.

– Уайлд, если вздумаешь открыть штору – ты труп, – раздался недовольный голос с соседнего дивана. Это была кофейная комната в клубе Голдсуэрди, где Блэкстон и его друзья-шпионы заночевали вчера.

Английский дождь, холодный и порывистый, бил в окно. Еще одно напоминание о том, что он дома.

– И вам доброго утра, лорд Хейзелвуд. Кофе? – Голос показался знакомым, в нем слышались оттенки лондонского Ист-Энда. Но не голос, а запах упомянутого напитка заставил Блэкстона повернуть голову.

С третьего дивана раздался стон, за которым последовал звон фарфора, а запах кофе усилился.

– Лорд Блэкстон? – произнес молодой мужской голос рядом с ним. Блэкстон сел и опустил ноги на пол.

Нат Уайлд служил им кем-то вроде дворецкого и был одновременно связным с Голдсуэрди. Он, одетый в модный чернильного цвета сюртук и штаны из буйволовой кожи, протянул барону кружку с дымящимся ароматным кофе.

Блэкстон, потягивая божественный напиток, смотрел, как Уайлд уговорами и кофе пытается поднять двух других жильцов этой комнаты. Потребовалось несколько минут тишины, чтобы комната стала местом, приемлемым для истинных джентльменов.

Блэкстон благодарил друзей за тишину. На данный момент кофейная была единственным помещением в клубе, где стояла мебель. Сам клуб ремонтировался, о чем Голдсуэрди не упомянул, когда нанимал лорда на работу.

Здание окружали леса и целая армия плотников, штукатуров и каменщиков, которые приходили рано и принимались долбить, стучать и месить, поднимая при этом не только шум, но и пыль. Шторы и накидки закрывали окна, двери и перила по всему дому.

Но в кофейную звуки не проникали. Эта комната без вычурной мебели и кружев полностью принадлежала мужчинам. Здесь стены были отделаны темным деревом, повсюду стояли глубокие кожаные кресла, на полу лежал роскошный красно-сине-золотой ковер. Вдоль стен располагались богатые книжные полки, а на кофейном столике, накрытом белой накрахмаленной скатертью, красовался сверкающий серебром кофейный сервиз.

Партнерами Блэкстона по шпионажу были капитан Клер, герой Ватерлоо в полковом мундире, и лишенный наследства виконт Хейзелвуд – родственник графа Ванге. Камердинер длинноволосого Хейзелвуда едва не падал в обморок при взгляде на мятый сюртук и запятнанные лосины своего хозяина. Несмотря на то, что обстоятельства, кои привели Блэкстона и

его партнеров на службу к Голдсуэрди, были совершенно разными, виконт понимал, что между ними много общего.

Все они подписали контракт с Голдсуэрди. Клер заявил, что все на законных основаниях, а Хейзелвуд добавил, что по условиям договора прав у них меньше, чем у церковного служки. За каждым был закреплен район Лондона в соответствии со ступенькой, которую они занимали на социальной лестнице. Клер шпионил в тавернах, где среди прочего сброда частенько появлялись солдаты, матросы и радикалы. Хейзелвуд курсировал между игорными домами и борделями. А Блэкстону достался фешенебельный Вест-Энд.

Первым объектом его слежки стала леди Ревенхерст, чей расчетливый и честолюбивый муж частенько приносил домой важные бумаги из министерства иностранных дел. Судя по слухам, скукающая леди искала утешение в объятиях одного русского графа, который интересовался скорее секретными документами, нежели дамой. Голдсуэрди предписал Блэкстону стать любовником леди, чтобы граф не смог больше проникнуть в дом Ревенхерстов.

Капитан Клер обратился к Уайлду.

– Послушай, где ты научился так вкусно варить кофе?

Хейзелвуд ответил за мальчишку:

– Он турок, и в Стамбуле был рабом у султана.

Уайлд обнажил в улыбке белоснежные зубы.

– Да нет, джентльмены, я лондонец до мозга костей. Меня научил старый солдат по имени Хардинг. Я думаю, вы с ним вскоре встретитесь.

– Лучше бы он научил тебя делать портер.

Уайлд пожал плечами и перестал улыбаться.

– Никакого портера, лорд Хейзелвуд.

Клер поднял чашку с кофе и сказал тост:

– Воздержание от алкоголя, своевременная уплата долгов и обет безбрачия – вот местный девиз! – рыжеволосый капитан обладал волевым взглядом. Блэкстон с легкостью представлял его во главе армии на полях сражений.

– Это поможет вам сохранить форму профессионального боксера, капитан.

– Скорее мы помрем с тоски. – Хейзелвуд угрюмо посмотрел в чашку с кофе.

Уайлд рассмеялся. Похоже, он смотрел на вещи иначе.

– Поверьте мне, это ненадолго. – Он поставил серебряный поднос на покрытый белоснежной скатертью стол. – Кофейник полон. Газеты на столе. Зовите меня, когда проголодаетесь.

После его ухода в комнате на какое-то время воцарилась тишина. Затем Хейзелвуд обратился к Блэкстону.

– Как у вас дела с леди Ревенхерст?

– Весьма недурно.

Леди послала ему персональное приглашение на музыкальный вечер, четко дав понять, что мужа дома не будет. Так что вчера он провел время в окружении лондонской богемы, сидя рядом с леди Ревенхерст на золоченых креслах в большом зале ее особняка. Время от времени она как бы невзначай касалась веером его бедра. Русский граф на этом вечере не присутствовал, так что Блэкстону было что доложить Голдсуэрди.

– А как идут ваши дела? – поинтересовался, в свою очередь, Блэкстон.

Хейзелвуд шел по следу провинившихся юнцов из числа золотой молодежи. У одного из них брат заседал в кабинете министров.

– Две недели адской гонки, а толку никакого. – Хейзелвуд встал, подошел к столику, налил кофе, сунул под мышку газету и вернулся. – Нет, вы мне объясните, как человек, управляющий армией плотников, который не выдает нам ни капли спиртного, смеет заявлять, что он наш помощник?

Блэкстон не сдержал улыбки. Уайлд обеспечивал их всем, в чем они нуждались, но никогда не давал того, чего они хотели. У них был слуга, Твиклер, а если им нужны были деньги или карета, то Уайлд обеспечивал их и тем и другим. За углом на Бонд-стрит стояла аптека, от клуба через задний двор к ней вела утоптанная тропинка, так что проблем с алкоголем у джентльменов не было. А портной по имени Керби обшивал шпионскую команду Голдсуэрди. Увидев худобу и изможденность Блэкстона, он долго хмурился, но все же сумел пошить лорду такую одежду, что в свете никто не догадался о недавнем его заточении в плену.

Клер, несмотря на выпитый кофе, оставался не в духе.

– Блэкстон, а что случилось с вашей любовницей, той испанской танцовщицей, которая ославила вас?

Хейзелвуд повел бровью.

– Что такое? Почему я не в курсе? Ну вы, Блэкстон, и хитрец! Ни разу не упоминали об этом скандале. Пожалуй, это объясняет, почему вы здесь. От вас отреклась семья?

– Титул принадлежал мне.

– Титул титулом, но от слухов вас это не спасло. Газеты пестрели скандальными заголовками. Да, у Голдсуэрди талант подбирать людей. – Хейзелвуд поставил пустую чашку на пол, откинулся на подушки и закрылся газетой. Блэкстон повернулся к Клеру, который вцепился в чашку с кофе обеими руками.

– У Хейзелвуда есть теория насчет того, как Голдсуэрди находит людей, и ваш случай ее полностью подтверждает. Он выбирает тех, у кого дурная репутация.

– А мне казалось, шпионы не должны бросаться в глаза.

– Хейзелвуд считает, и тут я разделяю его мнение, что, стоит человеку обзавестись дурной репутацией, и люди сразу же перестают подозревать его, даже когда он ведет себя необычно.

– Таким образом, вы – герой, Хейзелвуд – повеса и мот...

– А вы, Клер, – рубака.

Блэкстон не мог не признать логику этих рассуждений. Люди, как правило, видят лишь то, что хотят увидеть.

Скандальная статья с откровенным рисунком наградила его определенной репутацией навсегда. Увидев впервые этот рисунок в газете, лорд и представить себе не мог, во что он ему выльется. И уж тем более не думал, что замаять скандал окажется невозможно. Двадцать четыре часа спустя Блэкстон лишился всех титулов и привилегий. Ему казалось, что ничто не может изменить его социального статуса, но как же он ошибался.

Когда он отказался выкупить рисунок у художника по имени Ройс, тот сделал свою мазню достоянием общественности. После этого жизнь изменилась, его стали приглашать на балы-маскарады; женщины, с которыми он даже не был знаком, дарили ему свои портреты. В один момент он понял, что уже не может ничего изменить, потому что действительно стал таким, каким его хотели видеть.

Блэкстон решил положить этому конец и уехал на край света, порвав с семьей и друзьями.

Вернулся Уайлд с корзиной, накрытой полотенцем. Снаружи застучали молотки.

– Где Голдсуэрди? – спросил Блэкстон. Он хотел как можно раньше покончить с ежедневным отчетом.

– Его никогда нет на месте, когда он нужен, – проворчал Хейзелвуд, шурша газетой. – Чертов призрак.

– Мистер Голдсуэрди любит отлучаться на рыбалку. – Уайлд достал из корзины свежие булочки. – Кстати, этим утром он желает видеть вас, лорд Блэкстон.

– Пора платить по счетам, – продолжал ворчать Хейзелвуд, прикрываясь газетой.

– Дойдет черед и до вас, лорд Хейзелвуд.

Глава 2

...она и правда очень милая девушка. И я всем сердцем желаю, чтобы она хорошо устроилась, но с таким отцом и такой матерью и такими скромными возможностями, боюсь, что шанса на это нет.
Джейн Остен, «Гордость и предубеждение»

Вайолет Хаммерсли лучше остальных понимала, что та часть дня, которую лондонцы привыкли называть утром, определялась не столько часами и вращением планеты, сколько образом жизни. Прислуга вставала в четыре, чтобы разжечь огонь и согреть воду. Ее служанка могла не подниматься с кровати до десяти. Сегодня для Вайолет утро закончилось в час дня, когда она пришла к герцогине Хантингтон, Пенелопе Фрейн.

– Вайолет, дорогуша, вы должны быть довольны. Ваш бал будет настоящим событием, – благоухающая Пенелопа слегка обняла ее, а дворецкий проводил до двери большого дома на Парк-лейн.

– Я так рада, что вы согласились помочь мне, Пенелопа. Благодарю вас.

– Ах, не утруждайте себя, у вас в голове наверняка сотни забот, и предстоящий королевский визит в том числе. Как вы со всем справляетесь?

– К счастью, принц Молдавии – гость моего брата, а отель «Милуэрт» удовлетворит любые королевские прихоти. Вы ведь не думали, что я пожертвую нашим благотворительным балом ради этого визита?

– Вовсе нет. Мои друзья рады покровительствовать такому прекрасному начинанию. Что может быть благороднее, чем поддержка бедствующих сестер, которые обшивают нас. – Герцогиня зашуршала подолами своих пышных юбок болотного цвета. Она взяла Вайолет за руку и кивком головы отпустила дворецкого. – Я сама провожу мисс Хаммерсли, Койл.

Благородное начинание.

Голова Вайолет гудела от мысли о предстоящем бале, но слова Пенелопы снизили значимость блестящего бала. Собрание общества в поддержку нуждающихся вдов было куда более важным мероприятием. Возможно, она зашла слишком далеко, вообразив себя образцом благородной дамы.

Не то, чтобы Вайолет грезил о балах, как любая девочка. Она мечтала о своем кабинете и об отцовском банке. После смерти мамы несколько месяцев папа не знал, что делать со своей серьезной большеглазой дочуркой. Ее брат учился в частной школе, а папа не хотел оставлять Вайолет дома в одиночестве. Поэтому каждое утро он брал ее с собой в банк, где разрешал сидеть в большом кожаном кресле в своем кабинете.

Вайолет обожала папино место работы. В то время она еще ничего не знала о старинных афинских храмах, с которых было скопировано здание банка, но ее все равно привлекали великолепные колонны и роскошная атмосфера. А еще маленькой девочке здесь никогда не было скучно. Особенно ей нравилось сочетание разных звуков: шелест бумаг, стук шагов, скрип перьев, приглушенные голоса и чуть слышный шум лондонских улиц.

С тех пор Вайолет мечтала о таком же кабинете, как у отца. И была уверена, что станет банкиром. Партнеры отца останавливались в коридорах, чтобы поздороваться с ней, и предлагали решить задачки, на которые она всегда знала ответы.

Когда Вайолет исполнилось тринадцать, папа сильно удивился, узнав о ее мечте. Он говорил, что девочки не бывают банкирами. А когда она спросила его, кем же девочки бывают, он, всплеснув руками, ответил, что ей нужно думать о чем-то женском, а не о банке – деле для мужчин.

Поначалу Вайолет недоумевала по поводу такого разделения мира на женский и мужской. Она вспоминала странных французов, которые в своем языке даже существительные делили на женские и мужские. И тогда девочка спросила папу, по какому принципу вещи принадлежат тому или иному роду.

Папа снова пожал плечами. Он полагал, что это и так понятно. Тогда Вайолет составила список того, что ее интересовало, и показала своему брату Фрэнку. Он рассмеялся и сказал, что ничто из списка девчонок не касается: ни банковское дело, ни закон, ни юриспруденция, ни архитектура, ни паровые двигатели. В ответ Фрэнк составил другой список: шляпки, перчатки, туфли, благотворительность, книги, балы.

– Вот это – для девчонок.

Вспоминая сейчас тот случай, Вайолет улыбнулась про себя. До последнего пункта в списке Фрэнка ей пришлось проделать долгий путь. Но сейчас, когда она до него добралась, у нее не было времени на сомнения по поводу своего жизненного пути. Кроме того, подготовка к балу требовала времени.

А герцогиня, как назло, никуда не спешила. Они медленно шли к лестнице. Сзади на положенном расстоянии следовал слуга с коробкой приглашений.

Вайолет не могла сказать, что они с Пенелопой дружны. Их знакомство с ее светлостью герцогиней Хантингтон насчитывало всего несколько недель, так что рано было говорить о какой-то близости. Хотя Пенелопа настаивала, чтобы они называли друг друга по именам, опуская титулы.

Тремя неделями ранее герцогиня, которая интересовалась благотворительными проектами, гостила у Вайолет и пригласила ее с ответным визитом. Вайолет обсудила приглашение во всех подробностях со своей старой гувернанткой и преданным другом Августой Лаундес, и они пришли к заключению, что Вайолет ничего не потеряет, если примет его.

Пенелопа Фрейн была симпатичной хрупкой женщиной чуть за тридцать с зелеными глазами и тициановскими волосами. До замужества у нее было столько поклонников, что ее отцу однажды пришлось попросить их всех удалиться с бала. Помимо титула, состояния и красоты, от отца Пенелопа унаследовала влияние в обществе. Опекая модисток, она приобрела среди них много друзей, и уже через три недели благодаря Пенелопе Вайолет объявила о предстоящем благотворительном бале. Герцогиня пожала Вайолет руку, и та интуитивно почувствовала, что Пенелопа ждет ответного жеста поддержки. Вайолет лихорадочно вспоминала все, что знает о состоянии семьи Фрейн. Они явно не нуждались в деньгах. Все, что могло скомпрометировать честность отцовского банка, отклонялось ею сразу.

Вайолет хотелось перепрыгнуть через две ступеньки, чтобы оказаться в карете до того, как Пенелопа передумает помогать ей. Их мартовский бал был рискованным мероприятием, а без финансовой поддержки Пенелопы дело было бы и вовсе безнадежным. Пенелопа в задумчивости нахмурила свои аккуратные брови.

– Я полагаю, это неплохая идея, чтобы каждая дама была в платье из ткани, которая выработана на фабрике «Спитафилдс». – Они подошли к последнему лестничному пролету. – Если вы не против, мы могли бы устроить примерку здесь. Я бы предоставила одну из гостиных вашим швеям.

Вайолет кивнула. Возможно, хорошей мыслью было привести портних в дом благотельницы вместо того, чтобы оставлять их в небезопасном пригороде. Вайолет искренне благодарил Пенелопу за поддержку, но понимала, что герцогиня видит ее насквозь. Вайолет хотела не только помощи. Она стремилась показать, насколько высшее общество зависит от труда простых людей, и в каких условиях эти люди трудятся. Если дамы будут приезжать на Парк-лейн для примерки, то они никогда не увидят, как швеи при свете одной-единственной лампы работают, согнувшись над столами, до поздней ночи, потому что им нужно кормить свои семьи.

Герцогиня не отпускала руку Вайолет. Внизу предупредительный слуга в безупречной голубой ливрее встал со скамейки.

– А кого вы пригласили на наш бал?

– О, если честно, я не всех знаю. – Вайолет и подумать не могла, что Пенелопе будет интересен круг ее общения, поскольку вне проекта их дороги никогда не пересекались. – У меня дюжина друзей, которые готовы помочь в этом деле.

– Я имела в виду, не хотите ли вы выделить кого-то из гостей?

– Вы имеете в виду мужчину? О нет, я положила глаз на банк, а не на мужчину.

– Зато мужчины не сводят глаз с вас.

– Что ж, я уже не маленькая девочка.

Вайолет было двадцать четыре, и она надеялась, что детство осталось позади. Она словно заперла его в сундук, похоронила в гробнице или утопила в океане, как груз, который сбрасывают с корабля во время шторма.

– Вы наследница.

– Что ж, в таком случае мужчины положили глаз не на меня, а на мой банковский счет.

Пенелопа с сомнением посмотрела на нее. Прошло довольно много времени, прежде чем она заговорила снова.

– Вайолет, вы ведь знаете, что Блэкстон вернулся.

Услышав это имя, мисс Хаммерсли вздрогнула. Потом подхватила юбки, как будто боялась упасть с лестницы, и даже испугалась – вдруг герцогиня заметила ее реакцию?

Блэкстон...

Она избавилась даже от мысли о нем. Никто в доме Хаммерсли не произносил это имя. Она отпустила юбку и вцепилась в перила, как будто ноги перестали ее держать.

– Нет, я не слышала. Вы ведь не думаете, что кто-то из организаторов пригласит его на бал?

– О, ни за что, – Пенелопа продолжила спускаться. – Я просто хотела подготовить вас к неизбежным пересудам. Он, как всегда, в центре скандалов. Поговаривают, он вернулся в Англию с гаремом.

С гаремом?

Вайолет постаралась унять дрожь в коленях. Она обдумает известие о возвращении Блэкстона позже. Пенелопа не собиралась отказывать ей в помощи, а значит, бал состоится. Тем не менее зеленые глаза герцогини все еще внимательно рассматривали ее.

– Спасибо, что предупредили, Пенелопа. Едва ли наши с Блэкстоном пути пересекутся.

– Полагаю, что нет, но все же это не остановит сплетен. Он всегда в центре интриг.

– Можете быть уверены, что он не представляет для меня угрозы.

– Но вы же однажды были невестой Блэкстона. Он вам больше не интересен?

Однажды?

– Мы были обручены некоторое время. Я знаю его истинный характер. – Вайолет посмотрела на черно-белую мраморную плитку под ногами. Слуга герцогини стоял в ожидании перед дверью. В руках у него был зонтик. Вайолет поняла, что с трудом улавливает нить разговора.

– Вчера вечером леди Ревенхерст не смогла устоять перед его чарами и не скрывала своей симпатии. А уж как она выставляла напоказ свои прелести...

Вайолет знала, что ей положено рассмеяться, но поняла, что не может.

– Уверена, Блэкстон знает, что делать с этими прелестями.

– Скажите-ка, дорогая, вы уверены, что он вам не нужен? – Герцогиня держала Вайолет под локоть. Та с усилием посмотрела на Пенелопу Фрейн, которая была встревожена, и поняла, что обман не удался.

– Нет, он мне не нужен.

Когда Вайолет была юной и неискушенной, она любила его, но это уже в прошлом. Теперь она с уверенностью могла сказать, что ее страсть погасла.

Вайолет заставила себя улыбнуться и осторожно высвободила руку. Ступеней, казалось, прибавилось, а слуга теперь как будто стоял дальше.

– Рада слышать. Хотелось бы мне на него взглянуть. Просто чтобы понять, из-за чего такой шум. Но я не буду вмешиваться, если вы все еще считаете его своим.

– Вовсе нет.

Блэкстон смотрел на леса, окружающие вход. Привычный стук молотков стих. Он вернулся месяц назад. За окнами клуба дождливая пелена скрыла вечерний Лондон. Лорду было любопытно, остановит ли дождь леди Ревенхерст и откажется ли она от проведения маскарада в саду с гrotтами и длинными темными аллеями. Пахнувшая духами записка сообщила Блэкстону, в каком костюме будет леди, и Уайлд уже принес маскарадный костюм. Однако Голдсуэрди пожелал увидеть лорда перед его уходом.

– Блэкстон, клуб принял вас. – Голдсуэрди положил сплетенные пальцы своих огромных рук на разбросанные по столу бумаги и оценивающе посмотрел на Блэкстона. – И хотя последствия греческого «гостеприимства» все еще заметны, дайте время, и мы вас откормим. – Он указал Блэкстону на кожаное кресло.

Кабинет напоминал военный штаб. От пола до потолка висела портьера, отделявшая комнату от стола Голдсуэрди. На одной стене прикрепили огромную карту Лондона, на противоположной громоздился оружейный шкаф с прозрачными дверками.

– Друг мой, простите мне пыль и беспорядок.

– Дело житейское. – Блэкстон не совсем понимал свою роль в общем спектакле под командованием Голдсуэрди. Едва ли от него хотят, чтобы он соблазнил замужнюю женщину. Скорее дело в слухах и репутации. Ведь по сути не важно, соблазнит он ее или нет. Люди все равно будут верить в то, что он нераскаявшийся повеса. Весь свет Лондона так и думал с того самого дня, как в свои двадцать четыре года он унаследовал отцовский титул.

– Хорошо, у меня нет претензий по поводу того, как вы вернулись в свет. Полагаю, вас уже достаточно видели и здесь и там. И вот теперь начинается ваша настоящая работа. У нас есть для вас стоящее дело.

– Дело?

– Да, непростое. Боюсь, ни Хейзелвуд, ни Клер не потянут, а вам нужно будет управиться за неделю.

– У вас потрясающая вера в мое очарование.

Голдсуэрди кивнул.

– Вы умеете найти подход к женщинам, ведь неспроста за такой короткий срок вы избавили леди Ревенхерст от хитрого русского графа. Как думаете, справитесь сразу с двумя дамами?

– Что вы предлагаете? – Беседовать с Голдсуэрди было все равно что разговаривать со старым тисом в Иппинском лесу.

– Не буду скрывать правды, сынок. Наш человек пропал... с правительственными бумагами чрезвычайной важности. Проблема в том, что он должен был встретиться с нашим курьером в Корони, но тот оказался мертв. Мы организовали новую встречу в Неаполе. Та же история, парень мертв. Вот такие дела.

Корони. Блэкстон насторожился. Видимо, неспроста Голдсуэрди оказался в этом греческом порту, когда помог Блэкстону и другим заключенным.

– У вас есть догадки, кто убил агентов?

– Кто-то, кто не хотел, чтобы информация дошла до нас. – Голдсуэрди перетасовал бумаги на столе, словно карточный фокусник. Блэкстону сразу вспомнился игровой стол в

кают-компаний «Редемшен», где он проигрался в пух и прах и вынужден был принять странное предложение. Он заметил, что Голдсуэрди беспокоится из-за пропавших документов.

– А как были убиты эти агенты?

– Задушены. Убийца использовал шнур. Шеи у трупов покрыты синяками. Одному чуть не оторвали голову. Чудовищное дело.

– А как между собой связаны шикарные лондонские гостиные, женщины и убийства агентов за рубежом?

– Об этом позже. – Он перестал тасовать бумаги на столе и извлек из-под них голубую бархатную коробочку, какие обычно используют ювелиры. – Пропавший агент должен был прибыть в сопровождении принца Молдавии с официальным визитом. Принц сошел на берег сегодня, но нашего человека в его свите не было. Мы держали принца и свиту на таможне так долго, как только могли, но ничего существенного так и не выяснили. Мы полагаем, что убийца – один из людей принца, и хотим, чтобы вы держались к ним как можно ближе.

– Кем был пропавший человек?

– Банкир. Фрэнк Хаммерсли.

Должно быть, Блэкстон не расслышал. Он ждал, что Голдсуэрди пороется в бумагах и найдет что-нибудь еще, но тот просто сидел и смотрел на собеседника. Неужели не понимал, что разворошил прошлое так, как будто ткнул палкой в осиное гнездо?

– А с кем мне флиртовать? – спросил он ровным голосом, хотя уже догадывался, какой будет ответ.

Голдсуэрди повертел маленькую коробку своими большими пальцами.

– Среди свиты принца есть графиня. Мы хотим проверить ее.

– А другая женщина?

– Ага, вот здесь-то и изюминка. С ней вы должны не просто флиртовать, а по-настоящему сблизиться, Блэкстон. Ваша задача – стать женихом сестры Хаммерсли.

Блэкстон посмотрел на Голдсуэрди. Все же он знает о его прошлом? Помолвка между ним и Вайолет Хаммерсли была достоянием общественности до тех пор, пока другой скандал не затмил ее.

– У дамы могут возникнуть возражения.

Голдсуэрди подтолкнул бархатную коробочку к Блэкстону.

– Ради спасения брата она забудет о возражениях.

Блэкстон открыл коробку. Большой бриллиант квадратной огранки заблестел. Судьба снова сыграла с ним злую шутку. Он вспомнил, как стоял на коленях перед Вайолет Хаммерсли и просил ее руки.

– Это в прошлом, – сказал Голдсуэрди. – Помните, год и один день очистят ваше имя и вернут поместье.

Глава 3

Тот джентльмен... Кто бы это мог быть? Он похож на мужчину, с которым вы приходили раньше. Мистер... как же его звали? Ну, такой высокий мужчина с гордым видом.

Джейн Остен, «Гордость и предубеждение»

– У вас, отец, узел на платке сбился. Может, вы не будете так нервничать по поводу приезда Фрэнка?

Джордж Хаммерсли повернулся к дочери. Они находились на верхнем пролете большой лестницы в особняке Хаммерсли.

– Не выдумывай, дорогая, ты же знаешь, что Престон идеально завязывает шейные платки.

Вайолет с сомнением посмотрела на платок и сдвинула его немного вбок.

– В том-то и проблема. Слишком идеально. Мы должны оставаться сами собой, даже если в гостях у нас принц. Не нужно выказывать благоговения.

Джордж расправил плечи и подмигнул дочери.

– Я знаю, что ты будешь собой, чего бы это ни стоило, моя девочка. Ты ведь иначе не можешь.

Вайолет рассмеялась.

– Боюсь, что нет.

Снизу раздались торопливые шаги по паркету. Грантем, дворецкий Хаммерсли, посмотрел на них.

– Здесь лорд Чартуэлл, сэр. Он хочет поговорить с вами о принце. У них небольшая задержка.

Отец нахмурился и повернулся к Виолетте.

Та пожала плечами.

– Неудивительно, ведь идет такой дождь.

– А что будет с королевским ужином?

Вайолет покачала головой.

– Не бойтесь, папа, мы справимся. Давайте встретимся с гостем. – Она взяла отца за руку.

В малой гостиной, куда они вошли, на стенах висели шелковые обои, а по углам стояли диваны от Огуссона. Вайолет попросила принести прохладительные напитки. Человек, пришедший с Грантем, был круглолиц. Его лысину покрывали веснушки, а золотая оправа на очках казалась такой же круглой, как голова. По одному внешнему виду было заметно, что он влиятельный джентльмен. Когда Грантем представил его, он вышел вперед.

– У меня для вас неприятные новости, мистер Хаммерсли. Вашего сына, Фрэнка, нет в свите принца.

Вайолет схватила отца за руку. Она почувствовала, как по спине побежали мурашки.

– Я не понимаю. – Голос отца звучал как будто из колодца. – Фрэнк еще не прибыл в Лондон?

– В том-то и дело, мистер Хаммерсли, мы не знаем, где сейчас ваш сын.

– А причем здесь вы, лорд Чартуэлл? – Вайолет не припоминала, чтобы министерство иностранных дел присылало лордов объявлять о задержке путешественников.

Отец повернулся, чтобы цыкнуть на нее, но она не сводила глаз с посетителя. Лорд Чартуэлл нахмурился.

– Быть может, вам лучше присесть, мисс Хаммерсли. Дело в том, что правительство всегда обеспокоено, когда пропадает кто-то из подданных его величества.

– Пропадает? – Отец Вайолет поперхнулся.

– Именно так.

– Вы хотите сказать, он мертв, лорд Чартуэлл? – спросила Вайолет дрожащим голосом.

– Нет, я не хочу сказать, что он мертв, мисс Хаммерсли. Мертвого человека, как правило, где-то обнаруживают, а ваш брат не объявился ни в Испании, ни в Англии, и уж точно его не было на корабле. – Лорд Чартуэлл, похоже, воспринял как личную обиду отсутствие Фрэнка там, где его ожидало правительство.

Лорд Чартуэлл сел напротив Вайолет и ее отца. Вайолет почувствовала, как позолоченная спинка стула впивается ей в позвоночник. Грантем принес чай и освежающие напитки на подносе.

Чартуэлл повернулся к мистеру Хаммерсли.

– Ваш сын поехал в Молдавию, чтобы составить доклад о расходах принца по займу, который ему предоставила Англия на усиление обороноспособности страны. Мы знаем, что он прибыл туда, а потом уехал. Фрэнк встретился со свитой принца на Гибралтаре, чтобы в конце своего путешествия присоединиться к ней. Уверен, вы получали от него сообщения на протяжении долгого пути.

– Получали. – Вайолет почувствовала странное беспокойство. Лорд Чартуэлл описывал все так точно, будто правительство преследовало ее брата.

– На Гибралтаре, где-то между отелем и кораблем принца, ваш брат решил отступить от плана. – Вайолет показалось, что Чартуэлл выдвигает брату обвинение.

Отец подался вперед, нависнув над лордом.

– Какие шаги были предприняты, чтобы найти моего сына?

– Найти? – Круглые брови Чартуэлла поднялись выше оправы его очков. – Мы идем по его следу, осматриваем корабль, допрашиваем команду и всех, кто его видел.

Вайолет потянула отца назад.

– Может быть, на него напали на улице?

– В обычной ситуации можно было бы предположить и такой исход, но ваш брат опытный путешественник, и единственно ценным предметом в его багаже был доклад о состоянии финансов Молдавии. Документ также пропал.

– А кто знал о том, что Фрэнк везет документ? – Со слов лорда было непонятно, о чем он заботится больше: о Фрэнке или о докладе.

– Мы вынуждены предположить, что вся свита принца знала о существовании этого документа.

Вайолет подняла со стола голубой фарфоровый чайник и попыталась налить чай в чашку, а не плеснуть его в бесчувственное лицо лорда Чартуэлла. Он обещал подавленным членам семьи: правительство сделает все возможное ради спасения Фрэнка, хотя и ребенку было понятно, что единственная его забота – пропавшие бумаги. Вайолет поняла, что ей так не нравилось в тоне лорда. Чартуэлл был раздражен. Исчезновение Фрэнка вызывало неудобства. Он не говорил напрямую, но это было очевидно. Правительство подозревало, что кто-то из окружения принца убил Фрэнка или держит его в заложниках. После всего Чартуэлл сказал, что правительство ждет от семьи Хаммерсли сотрудничества и ничего сверх того. Никто в свите принца не должен знать о расследовании.

– Чтобы способствовать наискорейшему возвращению Фрэнка, мы сказали принцу, что в отеле был пожар и что первую неделю ему лучше пожить у вас в доме. Так мы выиграем время, и расследование сможет дать результаты. – Он посмотрел на Вайолет. – Мы пришлем двух слуг, мисс Хаммерсли, они помогут не только с гостями, но и с расследованием.

Вайолет видела, как отец закипает от гнева.

– Вы хотите, чтобы мы дали приют принцу и всей его своре, в то время как кто-то из них, возможно, убил моего сына?

– Лучший способ найти вашего сына – это держать принца и его людей под постоянным наблюдением.

– И позволить убийце добраться до нас и прикончить в собственных постелях? – Вайолет попыталась представить, как Грантем защищает их, но у него ничего не выходит.

– Мы будем заботиться о вашей защите, мисс Хаммерсли, двадцать четыре часа в сутки.

– Вы предлагаете мне носить в сумочке пистоль?

Лорд Чартуэлл едва заметно поморщился и поправил очки.

– В этом нет необходимости, уверяю вас. Мы приставим к вам человека.

– Прошу прощения. Не покажется ли это странным принцу?

– Нет, если этот человек будет иметь все основания, или, скажем так, его долгом станет сопровождать вас, куда бы вы ни пошли.

– Неслыханно! – воскликнул отец.

Чартуэлл поправил складки на одежде.

– И у кого же есть такие основания? – спросила Вайолет.

– У жениха, мисс Хаммерсли.

Должно быть, она неправильно поняла. Они, кажется, говорили о Фрэнке, а не о ее несостоявшемся браке.

– Лорд Чартуэлл, женщине не нужен жених каждый раз, когда она хочет надеть шляпку. Нужно было запустить в него чайником!

– Не беспокойтесь, женихом мы вас обеспечим. Это надежный человек.

– Да неужели? Надо сообщить незамужним дамам Лондона, что у правительства для них найдется несколько дюжин надежных и представительных спутников. Как быстро вы отыщете Фрэнка?

– Чем раньше, тем лучше.

– Если Фрэнк жив, то каковы будут для него последствия его исчезновения?

Лорд Чартуэлл пожал плечами.

– Если он жив, то ему следует держаться подальше от мест, где его присутствие вызовет нездоровый интерес, но как можно ближе к окружению принца.

– То есть ему следует оставаться в особняке Хаммерсли. Итак, чем мы можем помочь? Что нам делать?

– Не делайте ровным счетом ничего, мисс Хаммерсли. Если, конечно, желаете добра своему брату. – Давая понять, что разговор окончен, лорд Чартуэлл встал из-за стола. – Сотрудничество с вашей стороны – вот все, о чем мы просим. Мы привезли вещи вашего сына с корабля. Посмотрите их в присутствии нашего человека, вдруг что-то покажется вам необычным. Куда их прислать?

Вайолет посмотрела на отца, который, похоже, ничего не видел перед собой, и взяла его за руку.

– В комнату Фрэнка. Нужно послать за Престоном, это его слуга. Он лучше нас поймет, пропало ли что-то из его вещей.

Блэкстон полагал, что, если уж суждено встретить свою первую любовь после долгой и горькой разлуки, то лучше иметь на руках пару козырей. И они были. Он знал, что момент близок, и время на подготовку имелось. Еще один козырь заключался в том, что он увидел Вайолет до того, как она увидела его. Мисс Хаммерсли спускалась по огромной лестнице в особняке, который построил ее отец на деньги банка. Весь этот гигантский дом среди прочих зданий новомодного района к северу от Мейфэра, а особенно центральная лестница из белого мрамора с чугунными витыми поручнями и красным ковром, были вопиющим примером безвкусицы.

Вайолет спускалась с хмурым лицом, шурша подолами шелковых юбок цвета красного вина. Блэкстон сразу заметил, как она похорошела. Мода сменилась, но современная манера располагать талию платья на ребрах шла Вайолет. Вырез корсета по задумке модельеров должен был приплюснуть женскую грудь, но в случае с Вайолет он лишь приподнял ее пышные прелести.

Она повернулась к отцу, приподняв юбку привычным движением уверенной в себе женщины. У него было не более двух секунд, чтобы взять себя в руки и надеть подобающую маску на лицо. Он знал, что известие об исчезновении Фрэнка станет для нее настоящим ударом. За реакцией на следующий удар он наблюдал не без удовольствия.

В ее глазах, когда она увидела его, промелькнули все переживания, выпавшие на ее долю в прошлом. Она подвернула ногу, но отец поддержал ее за локоть.

Блэкстон пожалел, что сейчас они не на качающейся палубе «Редемшен», где он вспоминал блеск в ее глазах, когда корабль падал в бездну океана. Джордж Хаммерсли смотрел на него сверху вниз. Он был словно медведь. Время выбелило его некогда черные кудри, но широченные плечи все еще выдавали недюжинную силу. Он освободился от цепких пальцев дочери и повернулся к представителю правительства.

– Этот человек не может быть тем, о ком вы говорили. Вы не посмеете навязывать нам этого проходимца, Чартуэлл. Вы что, не знаете, кто он такой? Этот мерзавец разбил сердце моей дочери!

Глава 4

Выбери они любого другого мужчину, все сложилось бы иначе; но его абсолютное безразличие и ваша подчеркнутая неприязнь превращают все в такой милый абсурд!

Джейн Остен, «Гордость и предубеждение»

Вайолет наблюдала, как Блэкстон поднимается по лестнице, такой высокий, подтянутый, неторопливый. Он не прыгал через две ступеньки, как когда-то, и оскорбление отца никак не изменило спокойного и слегка насмешливого выражения его лица. Она хорошо помнила это же выражение, когда они расставались. Вайолет не помнила, каким он был, когда шутил или хотел поцеловать ее, потому что чаще всего, особенно после тяжелых ударов судьбы, он надевал эту холодную сосредоточенную маску.

– Ваша идея была? – спросила она, и голос ее предательски дрогнул.

– Я здесь, чтобы служить своей стране, – ответил он твердо, давая понять, что иное не могло привести его в особняк Хаммерсли.

– Ах, как благородно с вашей стороны!

– Лучше бы вы служили в армии, Блэкстон, – заметил отец жестким тоном. Вайолет взяла отца за руку и легонько сжала.

Блэкстон остановился посередине лестницы. Он всем своим видом показывал, что находится в таком окружении ему оскорбительно. Вайолет была в курсе его отношения ко вкусам отца.

– Если вы хотите, чтобы правительство помогло найти Фрэнка, то вам придется мило улыбаться мне.

Отец не двинулся с места.

– Почему именно этот человек, Чартуэлл?

– Папа! – В голосе Вайолет слышалась мольба.

Чартуэлл ответил довольно резко.

– Нет времени препираться.

Джордж Хаммерсли разрывался на части.

– Я бы не просил тебя, моя девочка, если бы не Фрэнк... но он пропал... Как мы найдем его без их помощи?

Вайолет погладила отца по щеке.

– Мы найдем его, папа.

Лорд Чартуэлл кашлянул.

– Вот и договорились, Хаммерсли. Что ж, оставляю вас в обществе Блэкстона. И еще раз подчеркиваю, что никто в свите принца не должен узнать о нашем расследовании.

– Ради спасения Фрэнка, – согласилась Вайолет.

– Разумеется, мисс Хаммерсли.

Лорд Чартуэлл поклонился и пошел вниз по лестнице.

– Нам нужно посмотреть багаж Фрэнка до приезда принца. – Блэкстон подал знак ее слугам – ее! – и они поспешили исполнить его волю.

Грантем принес дорожную сумку брата и отправил Тома и Нэда за сундуком. Вещи Фрэнка будто предали его, появившись в доме раньше хозяина.

Блэкстон поднялся наверх и бросил на Вайолет безразличный взгляд.

– Вы послали за Престоном?

– Да.

– Хорошо. У нас мало времени. Принц и его свита придут с минуты на минуту.

В комнате Фрэнка мрачный Престон осматривал темно-зеленый сундук и кожаные дорожные сумки. Тут было многолюдно. Вайолет чувствовала, что Престону неловко копаться в вещах хозяина. Фрэнк должен присутствовать здесь, шутить с ним, давать задания, дразнить сестру и наряжаться к ужину!

Престон посмотрел на Блэкстона, и тот кивком головы велел начинать, снова взяв бразды правления в свои руки.

Слуга открыл замки и раздвинул сундук на две части: слева открылись шесть ящичков, а справа висели фраки, сюртуки и штаны. Несколько минут никто не двигался с места.

В воздухе витал аромат сандалового мыла. По кивку Блэкстона Престон начал один за другим выдвигать ящики.

Отец отошел к окну, заложив руки за спину. Блэкстон молча и сосредоточенно наблюдал за работой Престона.

Наконец слуга покачал головой.

– Вещи паковал не господин Фрэнк. Кто-то осматривал их. Кто-то, кто плохо знает моего господина.

– Вы уверены, Престон?

– Да, уверен, ваше сиятельство. Видите, в какую сторону смотрят вешалки?

Блэкстон кивнул.

– Господин Фрэнк левша. Когда он самостоятельно развешивает одежду, вешалки смотрят вправо. Также некто переворачивал рубашки и нижнее белье. Ящики доставали и меняли местами.

– Как вы думаете, Престон, в вещах копались здесь или в Испании?

– Я бы сказал, здесь, сэр.

Блэкстон продолжал осмотр.

– Что-нибудь пропало, Престон? Во что Фрэнк был одет?

– Одну минуту, ваша светлость. Я провожу инвентаризацию перед каждым отъездом господина Фрэнка и сейчас сверюсь.

Престон вышел в гардеробную Фрэнка и вернулся с маленькой записной книжкой в черной молескиновой обложке. Он открыл книжку на закладке и стал сверять список с вещами из сундука.

– Могу сказать, ваша светлость, что недостает двух сюртуков: синего и темно-зеленого; серых брюк и двух камзолов: бордового и кремового.

– Благодарю, Престон.

«Был одет». Они говорили о Фрэнке так, будто он умер. У Вайолет задрожали колени.

– Оставлял ли Фрэнк документы в сундуке?

Престон покачал головой. Вайолет отвернулась.

Она не хотела, чтобы слуга догадался о ее маленькой тайне. Она подождет, когда все уйдут, и проверит секретный ящик, чтобы выяснить, не воспользовался ли им Фрэнк.

Открылась дверь, и появился Грантем.

– Принц прибыл.

Все посмотрели на нее, но заговорил первым Блэкстон.

– Воспринимайте меня как представителя власти, Вайолет. Дайте мне неделю, и я найду Фрэнка.

«Неделю? За неделю можно оправиться от болезни, но этого мало для поисков Фрэнка».

Теперь, когда она присмотрелась к Блэкстону повнимательнее, то увидела, что выглядит он на самом деле неважно. Его густые волосы были черны, как и прежде, а пронзительные голубые глаза – так же холодны. Но он сильно похудел и выглядел не столько сухопарым, сколько истощенным, а кожа приобрела нездоровый желтый оттенок. Тем не менее аккуратная одежда и грациозность в движениях выдавали в нем прошлого Блэкстона. Только лицо исказила злая

ухмылка. Вайолет трудно было узнать в нем друга детства Фрэнка. Неделю ей предстояло прожить с этим новым Блэкстоном под одной крышей. Быть может, этого времени будет достаточно, чтобы простить того, прежнего.

Вайолет поймала умоляющий взгляд отца и кивнула.

– Найдите Фрэнка.

Отец вздрогнул всем телом, будто от удара, и схватился за высокую спинку кровати.

– Папа? – воскликнула Вайолет и бросилась к нему.

Мистер Хаммерсли прижал руку к груди.

– Я не смогу встретить принца, Вайолет, я...

– Я встречу его сама, папочка. А позже приду к вам и обо всем расскажу.

Она посмотрела на Престона, который поддерживал отца под локоть.

– Не волнуйтесь, мисс, я позабочусь о нем.

Престон склонился над хозяином, расстегивая ворот его сорочки.

Вайолет повернулась к Блэкстону.

– Вы справитесь, мисс Хаммерсли?

Она кивнула.

Блэкстон взял ее под руку, и она почувствовала на своем запястье его горячую ладонь. На ее безымянном пальце красовалось кольцо с крупным бриллиантом формы каре, а его палец украшала массивная золотая печатка с крупным черным камнем, на котором был вырезан узор из листьев в виде буквы «Б».

– За бриллиант не волнуйтесь, Вайолет, он поддельный.

– Что ж, поддельный бриллиант для поддельного брака.

Андре Стерци, принц Молдавии, был одет в красивый темно-синий френч с золотыми эполетами и аксельбантами, в котором походил на героя детских сказок. Высокий и широкий в плечах, он обладал золотистыми волосами и удивительными бледно-голубыми, словно у куклы, глазами. А густым его усам мог бы позавидовать морж. Подбитая мехом накидка свисала с одного плеча. Скованная поза завершала образ игрушечного щелкунчика, такого, которого Фрэнк привез маленькой Вайолет из России.

Принца сопровождали недавно обвенчавшиеся молодая графиня и старый граф Ричин, давний секретарь, генерал Густав Дюбюсари. Генерал отличался необыкновенно высоким ростом, носил длинный парик и опирался на позолоченную трость. Вся разношерстная компания словно сошла с каминной полки, где среди прочих красочных игрушек они смотрелись бы в самый раз.

После представлений принц обратился к Вайолет.

– Дорогая наша мисс Хаммерсли, – сказал он, кивком головы приветствуя ее и щекоча усами подставленную Вайолет руку, – приношу тысячу извинений за то, что потерял вашего брата. Ах, что я говорю, конечно, не потерял, просто он задерживается. Фрэнк передал вам это письмо.

Принц протянул ей сложенный второпях листок писчей бумаги.

Вайолет развернула его:

«Дорогая сестра!

Не волнуйтесь из-за моей задержки. Обстоятельства обязывают меня повременить с возвращением, дабы уладить еще одно дело. Проявите к принцу радушие и гостеприимство. Я рассчитываю на вас.

Ваш брат Фрэнк».

Это было подлинное письмо. Почерк и подпись принадлежали Фрэнку. Вот только ее смутили некоторые слова, которыми Фрэнк никогда не пользовался. Другой человек составил текст и заставил Фрэнка написать его. Быть может, тот, кто стоит сейчас в этой комнате. Вайолет подавила дрожь и выдавила улыбку, которая, как она надеялась, не покажется принцу пустой.

– Спасибо, ваше высочество. Мы не вправе винить вас за то, что Фрэнк задерживается. И его письмо – огромная радость для нас. – Она чувствовала на себе взгляд Блэкстона, но все же сунула письмо за манжету рукава, не отдавая послание брата в его руки. – Отец тоже не сможет к нам сегодня присоединиться и присылает свои извинения. Ему нездоровится, и он надеется, что сможет поприветствовать вас лично завтра утром. А сейчас от лица всей нашей семьи: добро пожаловать в особняк Хаммерсли. Надеюсь, ваше пребывание в нашем доме будет столь же комфортным, как если бы вы остановились в отеле «Милуэрт».

Принц внимательно посмотрел на нее.

– Отсутствие вашего брата делает наш визит не столь гладким, как хотелось бы. Нам кажется, это к лучшему, что мы остановились не в отеле. Здесь мы сможем развлечь вас и поддержать, а вы продемонстрируете нам, в свою очередь, знаменитые британские новшества.

Свита кивала и поддакивала после каждой фразы. Принц, казалось, ждал этой поддержки и потому делал длинные паузы между предложениями.

– Вы, англичане, все делаете по-современному И Молдавия хочет научиться этому у вас. – Он ударил себя кулаком в грудь. – Наши русские соседи очень могущественны, и потому мы хотим стать сильным государством.

Последовала пауза, будто принц ждал аплодисментов. Взгляд его помутнел, и он, казалось, перестал замечать всех. Вайолет почувствовала на талии прикосновение горячих пальцев Блэкстона и поняла, что нужно продолжать разговор.

– Ваше высочество, позвольте представить вам моего жениха. Лорд Блэкстон.

Пожалуй, впервые за время визита принц слегка замешкался. Его взгляд упал на Блэкстона и вернулся к Вайолет.

– Ну разумеется, вы ведь прекрасны и юны, поэтому у вас должен быть жених. Ваш брат не рассказывал о вашей красоте. – Он поклонился Блэкстону.

– Она удивительна, правда? Мы совсем недавно помолвлены, посему я стараюсь не расставаться с ней. – Блэкстон взял Вайолет за руку, и их пальцы переплелись. – Знаю, это сейчас немодно, но мы не хотим расставаться ни на минуту.

Принц рассмеялся.

– Надеюсь, за ужином вы сядете подальше, чтобы я мог пофлиртовать с прекрасной мисс Хаммерсли. Кажется, это сейчас модно в Англии.

Задержавшись на входе в красный обеденный зал особняка Хаммерсли, Блэкстон старался оценить мужчин за столом. Все взгляды притягивал к себе генерал Дюбюсари, несмотря на помпезность принца и умение старого графа подливать в пустеющие бокалы вино. Блэкстон давненько не сидел за одним столом с бандитами, но это не лишило его умения с первого взгляда распознавать опасных людей. Принц не походил на такого. Однако настоящему убийце хватало мига, за который огонек свечи успевает дрогнуть, чтобы превратиться из благодушного и неуклюжего увальня в жестокого палача и всадить нож в грудь по самую рукоять. К тому времени как к мужчинам присоединились женщины, Блэкстон сел на свое место и пришел к выводу, что Фрэнк в беде.

Блэкстон начал проявлять интерес к своей невесте в то время, что принц откровенно флиртовал с ней за столом. Казалось невозможным не смотреть на нее, не жаждать сладкого прикосновения к ней. Вайолет ни разу не взглянула на Блэкстона, но иногда нервно крутила большим пальцем кольцо, которое он дал ей, словно оно ее раздражало.

Современная мода, похоже, игнорировала лямки и у вечерних платьев, и у нижнего белья. И тем не менее ткань держалась на женской груди, будто кора на дереве. Странно, что за прошедший месяц Блэкстон не обращал на это внимания. То ли год плена так повлиял на его влечение, то ли виною всему было красное платье Вайолет, которое выигрышно контрастировало с ее безукоризненно чистой кожей. Он пытался убедить себя, что ее внимание к пустоголовому принцу объясняется лишь беспокойством за Фрэнка.

Куда сложнее ему было уделять должное внимание графине, чьи кукольные черты лица и большие глаза вовсе не привлекали его. Мало того, ему казалось, что ее бездумное следование моде вызвано желанием скрыть истинный возраст. Как и леди Ревенхерст, она имела обыкновение наклоняться вперед, чтобы привлекать взгляды мужчин к своему декольте.

– Лорд Блэкстон, – сказала она, бросив взгляд на мужа, который уже дремал над бокалом вина, – вы должны рассказать мне, как следует молодой женщине вести себя в Англии. Мне бы не хотелось выглядеть нелепой. Я могу на вас положиться?

Графиня манила его взглядом. Она протянула миниатюрную руку и коснулась его пальцев. Блэкстон скорее почувствовал, чем увидел пристальный взгляд генерала Дюбюсари, и улыбнулся графине.

Быть может, Хейзелвуд прав. Молодой Уайлд, словно Гермес, по приказу Голдсуэрди должен протащить их по всем кругам лондонского Аида, в котором все, что тебе нужно, всегда недостижимо, зато всякая дрянь вечно под рукой.

Глава 5

Когда же она время от времени, не в силах удержаться, бросала на него взгляд, то замечала, что он смотрит... на пол.
Джейн Остен, «Гордость и предубеждение»

Вайолет вошла в комнату Фрэнка на трясущихся ногах. Ей нужно было делать все что угодно, лишь бы найти брата. «Фрэнк пропал» – эти два слова пульсировали в ее голове, не оставляя надежды на сон.

Тишина, которую изредка нарушал колокольный звон, была пугающей. Вайолет устроила на ночь гостей, а вместе с ними худосочную служанку графини, миниатюрного слугу принца и его необъятного телохранителя, которому пришлось постелить в гардеробной хозяина. Также в доме остался пухленький и невысокий шеф-повар. За ужином он пробовал все блюда, которые подавали принцу, чем сильно обидел повара Вайолет.

Как только она разместила по комнатам гостей, Блэкстон ушел, и в голове сразу прояснилось. Рядом с ним она чувствовала себя словно горшок на огне: все в ней кипело и бурлило. Вайолет рассказала отцу все о принце и заставила выпить снотворное. Пообещав ему сделать то же самое, отпустила свою служанку и осталась одна. Затем прошла в комнату Фрэнка и закрыла дверь.

Странно было находиться здесь и не видеть брата. Когда он был дома, она частенько заходила к нему перед сном.

Справа от нее в неровном свете свечи виднелась громоздкая кровать с резной спинкой и вышитым золотой нитью покрывалом. Темно-зеленый сундук Фрэнка так и стоял открытым. Вайолет была уверена, что Блэкстон сам хочет осмотреть вещи Фрэнка, потому хотела опередить его.

Она поставила свечу на сундук и принялась изучать содержимое. Если Фрэнк предвидел опасность, то он наверняка оставил какой-нибудь знак. С тех пор как ее брат начал ездить по делам банка, они придумали специальный код, чтобы передавать сообщения. Фрэнк выкладывал дно ящиков шелком с разными узорами, это и являлось оговоренным ими кодом.

Мысли о Блэкстоне улетучились из головы. Ее мучили две загадки. С одной стороны – исчезновение Фрэнка, с другой – правительственное расследование. Она желала разгадать обе, но не в силах была справиться с болью в груди и слабостью в ногах. Она выдвинула из-под кровати кожаную банкетку, поставила перед сундуком и села. Потом положила ладони на колени, закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Фрэнк жив, просто он где-то потерялся, и они его обязательно отыщут. Иначе и думать нельзя. Как представителю правительства Блэкстону нужно будет найти документы. Что ж, пусть их он ищет сам. А она займется поисками Фрэнка. Вайолет открыла глаза и стала думать.

За ужином она внимательно изучала свиту принца. Сам принц казался совершенно безмозглым подхалимом, который ждал от встречи с Лондоном каких-то чудес. От него она ничего не узнала о брате. Каждый раз, стоило ей поднять этот вопрос, принц прекращал разговор и сочувственно гладил ее по руке. Когда он наклонялся к ней, она чувствовала приторно-сладкий аромат его напомаженных усов. Вайолет быстро поняла, что ничего, кроме сочувственных поглаживаний, она от него не добьется.

А вот остальные гости заставляли понервничать. Всякий раз они на долю секунды запаздывали со смехом после шуток принца и были слишком скованы и внимательны для гостей, которые выпили немало вина. Она надеялась, что удастся выведать что-нибудь у графини, когда они вышли в дамскую комнату, оставив мужчин за столом. Но и тут ее ждало разочарование. Графиня Ричин, с короткими кудряшками, была похожа на ребенка. На ней было

старомодное платье с высокой талией, золотистым ремнем и рядом тяжелых тесемок. У них с принцем были яркие, как у кукол, щеки и глаза. И старому графу она годилась скорее в дочери, чем в жены.

Когда Вайолет спросила, давно ли они путешествуют с принцем, графиня напомнила, что принц Андре один из претендентов на молдавский престол. Он стал им из-за русско-турецкой войны. Принц, зажатый меж двух врагов, обратился к Англии, как к своему другу, за военной поддержкой.

Графиня, кузина Андре, помогала холостому принцу взойти на трон. Она объяснила, что выросла в ужасном старом замке посреди болота, а потом призналась, что новое положение ее пугает. Графиня надеется, что их пребывание в Лондоне пойдет на пользу делу. Бедняжка была уверена, что в Молдавии с ней жестоко расправятся.

Единственное, что Вайолет узнала от графини о Фрэнке, это то, что в последний их день пребывания в Испании Фрэнк должен был навестить кого-то. С тех пор его не видели.

– По правде говоря, – призналась графиня, – я думаю, он пошел к порочной женщине. Я слышала, как он спрашивал у портье, где их можно найти.

Невозможно. Фрэнк не был развратником и не завел никаких связей в Испании. Вайолет не могла предположить, что Фрэнк бросит принца и его свиту ради развлечений. Что-то здесь не вязалось. Принц и графиня говорили, что Фрэнк пропал или задержался в Испании, а правительство утверждало – в Англии. Вайолет могла бы поверить принцу, если бы не видела письма брата. Это, пожалуй, было самым непонятным из всей головоломки. Как представлялось Вайолет, письмо предполагало возможность похищения. Если Фрэнка похитили, то, скорее всего, отцу вскоре предъявят выкуп.

Вайолет почувствовала себя лучше и встала с банкетки. Устроившись на коленях перед сундуком, она переставила ящики так, как обычно это делал Фрэнк, но рисунок расплывался перед глазами. Ей нужно было больше света, чтобы увидеть послание, если таковое было. Она посмотрела на каминную полку за спиной в поисках свечи, но не увидела ни одной. Затем кинула взгляд на полку, заставленную семейными ценностями: бронзовыми часами, греческой вазой, совами из оникса. Все стояло на своих местах. Она попыталась вспомнить, куда же убрала свечи. Не могли же они сами исчезнуть! Вайолет как раз думала над этой загадкой, когда в комнате раздался странный звук.

Она ахнула и прикрыла рот рукой. Перед ней стоял Блэкстон и смотрел из темноты. Только кружева на манжетах белели в темноте. Он был недвижим, словно статуя. Колени у нее снова задрожали, и она села на банкетку.

– Как это похоже на нас, Вайолет, – оказаться наедине в ночи. – Когда он подошел к ней, держа в руках пропавший подсвечник, забытые уроки их недолгих отношений напомнили о себе. Она знала, каким страстным он бывает в постели и каково это – останавливать его рукой, прижав ладошку к упругому животу.

«На нас». Ее бедное сердце так сильно колотилось в груди, что она не могла говорить. Он остановился за сундуком и опустил подсвечник, чтобы ей было виднее.

– Вам нужно больше света.

Она наконец обрела дар речи.

– Как и вам.

Нельзя касаться его, нельзя. Только так Вайолет сможет держать себя в руках и сосредоточиться на Фрэнке. Блэкстон должен рассказать все, что знает.

Он поставил подсвечник на открытый сундук и встал позади нее, осматривая вещи, как и она до него.

– Как вы думаете, что мы упустили из виду в первый раз?

«Мы». Снова он допустил эту оговорку. Словно они вместе работают, словно у них одна цель. Но ведь это не так!

– Я думала, вы ушли.

– Уйти и оставить вас среди потенциальных врагов государства?

Она снова посмотрела на сундук Фрэнка.

– Должно быть что-то еще. Раньше у нас было слишком мало времени.

– Думаю, нам нужно еще больше света. – Он обошел комнату, собирая подсвечники и свечи, и вскоре вокруг них стало светло как днем. Он снова встал позади нее так близко, что она чувствовала приятный запах мыла, такой, какой обычно заполняет комнату, когда снимаешь кожуру с апельсина.

– Где вы были? – Она повертела обручальное колечко на пальце.

– Вам правда интересно?

– Никогда о вас не думала.

– Лгунья. Вы злились много месяцев. Вы придумали тысячи упреков в мой адрес. Вы сожгли все, что я вам подарил.

– Не было ничего подобного.

– Вы обратились к своей подруге Августе Лаундес, которая оклеветала меня и убедила вас в том, что избавиться от такого титулованного мерзавца, как я, – это чистое везение.

Вайолет посмотрела на него. Его глаза были слегка прикрыты. Длинные черные волосы спадали почти до плеч.

Он в точности описал ее попытки забыть его, за исключением того, что по сотне раз на дню она ругала себя последними словами, называла дурой и рыдала в подушку. И только спустя несколько недель Августа вытащила ее из зареванной постели, расчесала ее безнадежно запутанные волосы и поставила на ноги.

Поначалу каждый шаг давался ей с таким трудом, словно она вспахивала поле. А в лицо ей дул ветер потери, унижения. Но она шла вперед, загрузила себя делами, заставила думать о чем угодно, только не о нем. И сейчас, когда она добилась такого прогресса, он вернулся и говорит «мы» и «нас», выбивая почву из-под ног. Что ж, она не покажет ему, как тяжело ей все далось.

Вайолет встала, завернулась в шаль и подошла к письменному столу Фрэнка.

– Августа сказала, что мне еще повезло.

– Я знал, что вы можете на нее положиться, – ответил Блэкстон, как ни в чем не бывало разглядывая свои ботинки.

– Столько глупостей совершается в молодости, – сказала она, глядя на стол.

– И это, как всегда, неизбежно. Так чем же вы были заняты с тех пор?

Вайолет отошла от стола к холодному камину.

– Я? Я настоящий филантроп. Едва ли найдется в нашем большом городе человек, которому я бы отказала в помощи. Я перепрофилировала несколько портняжных мастерских с неприбыльного нынче шелка на столь востребованную парусину, снабдила рыбаков лодками, разместила сотни рабочих, которые приехали в Лондон. Я вызволила немало детей из тюрьмы. И наконец я – президент британской Ассоциации пчеловодства.

Ее слова звучали как-то жалко. Что толку от ее благородства и подвигов, если до сих пор она боится прикоснуться к нему. Какая разница, кого она спасла в Лондоне, если не спасла саму себя. Вайолет хотела бы сказать «я полюбила и вышла замуж» – это был бы стоящий ответ, но не судьба. Она передвинула пару каменных сов на каминной полке ближе к черно-красной греческой вазе. Фрэнк собирал в ней пенни, которые находил где-нибудь и называл рабочими лошадами. Голос Блэкстона вернул ее в реальность.

– Что ж, вы воспользовались временем лучше, чем я.

Она повернулась и посмотрела на его спину. Не очень-то он обходительный.

– Вы не ответили на мой вопрос о том, где вы были все это время.

– В Греции.

– Как Байрон? Вы помогали им в борьбе за независимость?

– Вот уж нет. Абсолютно бесполезная затея.

– Вы там болели? – Она снова подметила его худобу и нездоровый цвет кожи.

– Это жестокая страна. У бандитов и их предводителей там куда больше силы, чем у правительства.

– Вы уже заезжали домой?

При слове «дом» Блэкстон непроизвольно вздрогнул.

– Нет.

Она подметила, как резко он оборвал тему.

– Вы стали знамениты в Лондоне.

– Не более, чем прежде.

Вайолет симметрично расставила предметы на полке.

– Что привело вас на службу в правительство?

– Я обладаю некоторым опытом, который им требуется, кроме того, мне не приходится бросаться на пушки.

Она снова присела на банкетку, не в силах стоя выносить его присутствие. Как ни странно, но она по-прежнему чувствовала это: поток, проносившийся сквозь нее, сбивающий с ног и увлекающий к нему.

– А я всегда думала, вы предпочитаете бросаться на пушки.

– Не сомневаюсь, что вы так и думали. Так что мы расскажем людям? – Он взял ее за руку и коснулся ее пальца там, где она теребила кольцо. – Мы никогда не убедим принца и его братию в том, что мы обручены, если вы будете так нервно крутить обручальное кольцо.

Прикосновения Блэкстона не отличались дружелюбием принца. Его пальцы были тверды. Чувства Вайолет обострились, а пальцы напряглись. Впрочем, она не стала совершать глупость и одергивать руку. Напротив, она набралась сил и ответила:

– Вы должны были предупредить своего благодетеля, что у нас за плечами история, которая делает вас неподходящим человеком для этой работы.

Он отпустил ее.

– Как ни печально, Вайолет, они все знают, и именно из-за этой истории выбрали меня. Так что возьмите себя в руки и заставьте весь мир поверить, что вы передумали и оставили все в прошлом.

Она встал и повернулся к ней спиной.

Пенелопа ее никогда не простит.

– Дальше будет видно, а пока что нам нужно убедить только принца.

– То есть вы не будете делать заявление для прессы? – спросил он, бросив взгляд через плечо.

Она покачала головой.

– Хорошо. – Он снова встал позади. – Что написал Фрэнк в письме?

– Фрэнк не писал его.

– Не его почерк?

Она услышала в его голосе заинтересованность и поняла, что он тоже отметил эту деталь.

– Нет, почерк его. А вот слова не его. – Вайолет достала письмо из рукава. – Кто-то говорил ему, что писать.

Блэкстон повернул письмо к свету и прочел.

– Он ведь всегда называл вас «Ви». Вы позволите Престону сделать копию для меня?

Вайолет кивнула, Блэкстон сунул письмо в карман. Она посмотрела на сундук Фрэнка.

– Какое впечатление на вас произвел принц?

– Когда он не делал комплименты мне, он делал комплименты Англии.

– Вы заставили его сказать что-нибудь о Фрэнке?

– Каждый раз, когда упоминала имя брата, он называл какую-нибудь достопримечательность Лондона, которую Фрэнк рекомендовал ему посмотреть. Принц собирается совершить конные прогулки в парке, посетить газовый завод, сходить в зверинец, потанцевать на балу и подняться на воздушном шаре. По его поведению не скажешь, что он испытывает чувство вины. Похоже, он действительно не знает, куда девался Фрэнк.

– Он не говорил о том, что встречался с министром иностранных дел Великобритании?

– Нет, но ведь это, насколько я понимаю, цель его визита. Я помню, что Фрэнк говорил что-то похожее.

– Да, он должен отчитаться о том, как идут дела с перевооружением молдавской армии.

– А что, Молдавия должна прикрывать спину России от Турции?

– Это выглядит маловероятно, если, конечно, он не напугает царя своими золотыми аксельбантами.

Знакомый голос Блэкстона убаюкивал ее, и она попыталась встряхнуться. Смотреть дальше в сундук Фрэнка толку не было. Она снова встала и подошла к камину. Огонь не зажгли, и она почувствовала, что в комнате становится прохладно. Фрэнка не было уже несколько недель, поэтому комната казалась мертвой.

– Вы полагаете, что на деньги правительства он накупил себе золотых украшений для мундиров?

– А вы думаете, он действительно потратил их на армию?

– Сомневаюсь. Банкиры всегда следят, как расходуются их деньги. Я думаю, то, что происходит с деньгами, объясняет большинство ужасных поступков людей.

– Так вы думаете, что средства были перерасходованы?

– Почти наверняка, и Фрэнк напал на след.

– Тогда понятно, почему исчез доклад.

– И Фрэнк. – Блэкстон этот пункт упустил, и она рискнула поправить его. – Вы что-то недоговариваете.

– Разумеется, я не могу быть с вами полностью откровенен. – Он смотрел на нее, и взгляд был насмешливым.

– Речь не о нас, а моем брате.

– Вы поменяли местами ящики. Что вы надеялись увидеть?

Он заметил. Блэкстон все всегда замечал. Именно поэтому он так понравился Вайолет в самом начале. Ему не приходилось объяснять очевидных вещей, он видел их сам.

Она хотела бы знать, что искала, но тот, кто рылся в сундуке Фрэнка, разрушил послание. Рисунки на ткани никак не складывались в условные знаки.

– Думайте, Вайолет. Сундук должен рассказать нам что-нибудь. Он находился в комнате вашего брата на Гибралтаре, пока его не перенесли на корабль, где поместили в каюту, закрепленную за вашим братом. Этот сундук путешествовал. А вот «с» или «без» него – мы должны выяснить.

Блэкстон подошел к сундуку и, вытащив нижний ящик, протянул его Вайолет.

– Понюхайте.

– Понюхать?

– Престон сказал, что кто-то поменял ящики местами. Понюхайте и определите, кто это был, мужчина или женщина.

Она взяла ящик и положила на колени. Он смотрел на нее тяжелым взглядом.

– Почему доклад Фрэнка так важен для правительства?

– Вы же сами сказали, что принц потратил деньги не по назначению.

– Да, но в этом нет ничего нового. Принцы – они такие, знаете ли. Кроме того, Фрэнк наверняка высказал бы ему в лицо претензии, если бы тот потратил слишком много денег на себя.

– Вы полагаете, что Фрэнк нашел информацию, огласка которой представляла угрозу для кого-то? И дело не в расходах бюджета, но в сокрытии и подлоге?

– Это должен быть кто-то могущественный, и вряд ли это принц, поскольку за всей его экстравагантностью едва ли скрывается истинный правитель.

– Чем пахнет ящик, Вайолет?

Она поднесла ящик к носу. Разумеется, он пах любимым сандаловым мылом Фрэнка и его одеколоном с легким сосновым ароматом. Она перемешала содержимое. Появился новый аромат, отдающий розой. Вайолет подождала, пока аромат станет более уловимым. Когда она снова почувствовала его, то с уверенностью смогла определить, что аромат принадлежал женщине.

– Женская рука. – Она посмотрела на него и поняла, что он пришел к тому же выводу. – Вы уже нюхали ящик раньше.

– У меня была такая возможность до того, как вы появились, но я хотел подтвердить свои подозрения. – Он взял ящик из ее рук и вставил на место. Потом сел на банкетку слева от нее. Вайолет постаралась убедить себя, что он вовсе не так близко, как ей кажется. Он взял ее холодную руку своими теплыми пальцами.

– Письмо – это хороший знак, Вайолет, ведь кто бы ни похитил Фрэнка, он держит его в живых. И чего бы он ни хотел, хочет он этого не от вас и вашего отца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.